

онъ авторъ небольшой брошюрки о Греческомъ волстаніи, дышащей благороднымъ сочувствіемъ къ судьбѣ этого народа.

Мы заключимъ эту краткую біографію элегіей на смерть Шеридана, написанною лордомъ Байрономъ, и произнесенною въ 1816 году на томъ же Дрюриленскомъ театрѣ, гдѣ за двадцать семь лѣтъ былъ произнесенъ знаменитый плачь Шеридана на смерть Гаррика. Гдѣ можетъ быть хвала великому человѣку болѣе у мѣста, какъ не на устахъ другаго великаго человѣка?

ЭЛЕГІЯ БАЙРОНА

НА СМЕРТЬ Р. Б. ШЕРИДАНА,

произнесенная на Дрюриленской сценѣ.

«Кто не чувствовалъ лѣтнимъ вечеромъ, когда послѣдній лучъ угасающаго дня изливается слезами сумрака, кто не чувствовалъ, какъ сладко очарованіе этой минуты сходится на сердце, будто роса на цвѣтокъ! Полный чистаго чувства, обнимающаго и наполняющаго душу въ эту минуту задумчиваго успокоенія природы, когда она отдыхаетъ на дивномъ мосту, перекинутомъ временемъ отъ свѣта къ мраку; кто не раздѣлялъ этого глубокаго и торжественнаго покоя, этой безмолвной думы, которая можетъ излиться не въ словахъ, а въ однихъ слезахъ святой гармоніи и сожалѣнія, прекраснаго сочувствія къ исчезающимъ солнцамъ! Это не жгучая горестъ, это тихая грусть, которой нѣтъ названія, на которую цѣнятся ижжныя сердца, которая сильно чувствуется — но безъ горечи: сладкая горестъ — прозрачная слеза, въ которой не участвуетъ никакое свѣтское страданіе, никакое эгонистическое чувство, слеза, являющаяся безъ стыда и рождающаяся безъ боли!»

«Подобно ощущенію, пробуждаемому тѣмъ часомъ, когда дневный свѣтъ теряется влодь холмовъ, и то чувство, которое проникаетъ въ сердце и выражается въ глазахъ нашихъ, когда умираетъ все, что въ гениіи можетъ умереть. Затмился высокій умъ, могучій даръ перешелъ отъ свѣта къ мраку и не оставилъ за собою ни одного свѣтила равнаго себѣ, ни одного имени, дерзающаго равняться съ именемъ, сосредоточившимъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, все лучи слова! Блескъ остроумія, свѣтъ ума, огонь поэзіи и краснорѣчія, — все исчезло съ своимъ солнцемъ; но остались намъ неизмирающія творенія бессмерт-

наго гениіа, плоды свѣтлаго утра и славнаго полдня, непогибающая частица того, кого такъ рано позитила смерть. Но не велика эта частица дивнаго цѣлаго, блестящіе отрѣзки всеобъемлющаго круга этой души, освѣщавшей все своими лучами, умѣвшей то развеселять, то внушать скорбь, то ласкать, то поражать ужасомъ. Въ сонѣтахъ народныхъ или среди шира былъ онъ безграничнымъ повелителемъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ; самые громкіе голоса на-перерывъ выхваляли его и самые гордыя знаменитости считали за честь провозглашать его славу. Когда простонала жалоба угнетеннаго Индостана, вызывая къ небу отъ притѣсненій человѣка, его голосъ сталъ громомъ, мстительнымъ бичемъ, голосомъ, посланнымъ отъ Бога, который, говоря его устами, поколебалъ народъ, и огнемъ своимъ вынудилъ невольный кликъ изумленія побѣжденныхъ и трепещущихъ сенаторовъ.

«Здѣсь, здѣсь, гдѣ до-сихъ-поръ являются во всей ихъ юности и свѣжести веселія сознанія его поэтическаго гениіа, неподражаемый разговоръ, неперечисляемое остроуміе, живые портреты, снятые съ природы и передающіе сердцамъ нашимъ вышнюю ихъ истину, эти чудныя сознанія воображенія, оживленныя мощнымъ духомъ его мысли, вы можете видѣть здѣсь, здѣсь, въ первоначальномъ ихъ жилищѣ: они блистаютъ божественнымъ огнемъ этого новаго Прометея, отблескомъ свѣта старины, напомнимающимъ его прежній блескъ.

«Но если есть люди, радующіеся пагубнымъ проступкамъ павшей мудрости, люди торжествующіе, когда небесныя души теряютъ первобытную свою гармонію, да останутся они! — Ахъ, не знаютъ они, что все, что кажется имъ порокомъ, можетъ быть одно несчаствіе; тяжела судьба того, на кого безпрестанно устремлены взоры общества, готоваго разлить на нихъ хвалу или хулу; нѣтъ мира его имени; глушь веселится терзаніемъ славы; тайный врагъ, обвинитель и судья, котораго песьмякающіеся глаза всюду слѣдятъ за нимъ, — глушцы, самолюбцы, завистники, живущіе чужими страданіями, — вотъ стая, жаждущая все унижать, преслѣдующая славу до самаго гроба; она подстерегаетъ проступки, къ которымъ влечетъ смѣлаго гениіа врожденная ему пылкость, искажаетъ истину, и, громоздя ложь на ложь, строитъ мало-по-малу цѣлую пирамиду клеветы! Вотъ его удѣлъ. Но если къ этимъ страданіямъ присоединяетъ еще бѣдность и неизлечимая болѣзнь, если гениіи принуждены сходить съ горныхъ высотъ для того, чтобы бороться съ нищетою, осаждающею дверь его, чтобы ускоковывать надменное требо-

ваніе, защищаться отъ гнусной ярости, — бороться съ безчестіемъ, въ надеждѣ видѣть только новыя лщемѣрныя ласки, звѣчныя объятія новой мѣрины; если такія страданія угнетаютъ человѣка, — чему удивляться, что падаетъ и самый сильный? Въ груди, которой дано сильно чувствовать, заключено электрическое сердце: пося въ себѣ небесный огонь, очерненное жестокими столкновеніями, раздраемое внутри, среди черныхъ тучъ несетъ оно на крыльяхъ урагана въ тяжелую атмосферу, породившую мысли, обратившіяся теперь въ молнію — и жжетъ и громитъ. Но если все это было, удалимъ это зрѣлище отъ нашей комической сцены: намъ присуждена болѣе пріятная доля, — отдать славу должную почестъ, оплакать угасшее свѣтило, и принести дань нашей хвалы въ награду за долгое наслажденіе.

«Вы, ораторы, засѣдающіе въ нашихъ совѣтахъ, плачьте надъ мужественнымъ ветераномъ вашихъ споровъ, достойнымъ соперникомъ дивныхъ трехъ (!), какъ гѣхъ, чьи слова были искрами бессмертія! А вы, поэты, любящіе музу драмы, онъ былъ вашимъ учителемъ; будьте здѣсь достойными его учениками! Вы, кому дано остроуміе и краснорѣчіе въ бесѣдахъ, онъ былъ вашимъ братомъ; — вамъ нести прахъ его! Пока почти безграничный умъ, могучій и разнообразный, пока краснорѣчіе, поэзія и остроуміа и веселое, скромная утѣшительница въ земныхъ скорбяхъ, живы въ нашихъ душахъ, пока мы будемъ съ гордостью признавать благородное первенство таланта, — мы долго титетно будемъ искать равнаго ему, и, съ прискорбіемъ созерцаая то, что намъ остается отъ него, будемъ сожалѣть, что природа создала только одного подобнаго человѣка, и разблала форму, выливъ въ нее Шеридана!»

(!) Фоксъ, Питтъ, Бёръ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЮБОВЬ и СУПРУЖЕСТВО.

(Романъ графини Дашъ.)

I.

Всѣ желаютъ, да не всѣ умѣютъ быть счастливыми. Никто не хочетъ довольствоваться своимъ положеніемъ въ свѣтѣ; ищутъ того, чего нельзя найти; живутъ,

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
по
Четверткамъ.

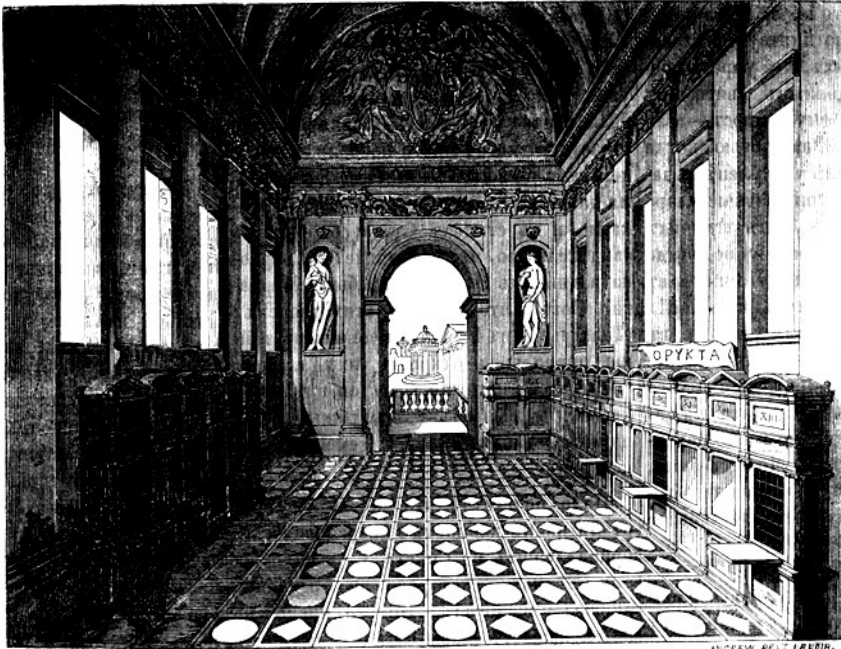
№ 55.

ЦѢНА за 50 Л^т въ годъ:
11 р. 50 к. сер. безъ перес.
13 р. сер. съ пересылкою.

50го августа 1845.

НАУКИ.

МЕТАЛЛОТЕКА ВАТИКАНА.

ANCIENNE BELLE LIBRAIRIE.

Ватиканская Металлотека замѣчательна тѣмъ, что это первый минералогическій кабинетъ, основанный въ Европѣ.

Она учреждена папою Сикстомъ-Пятымъ, въ 1585 году, въ одно время съ библиотекою и типографіею священнаго двора.

Устройство и надзоръ за нею были поручены Меркати де-Сан-Миньято, одному изъ отличѣйшихъ ученыхъ того времени, который уже двадцать лѣтъ управлялъ ботаническимъ садомъ Ватикана.

Этотъ естествоиспытатель XVI вѣка заслуживаетъ особеннаго вниманія. Ми-

хаель Меркати родился въ Сан-Миньято, въ 1541 году. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ отправленъ въ Пизу, гдѣ въ знаменитомъ тогда университетѣ поступилъ въ ученики Цезальпина и скоро обратилъ на себя всеобщее вниманіе быстротой ума и необыкновенными успѣхами въ естественныхъ наукахъ.